

По наблюдению В.Д. Девкина, число фразеологических единиц языка с отрицательной оценкой значительно больше, чем число фразеологических единиц языка с положительной: «Явное преобладание слов с отрицательной оценочностью связано, по-видимому, с тем, что положительность подразумевается как нечто само собой разумеющееся. Человеку постоянно приходится сталкиваться с преодолением недостатков, ошибок, плохого. Потому-то это для него столь значительно и так стойко отражено в языке» (Девкин, 1965: 271).

Согласно проведённому исследованию, вышеприведенный постулат может быть применён для ФЕ с компонентом «одиночество». Соотношение фразеологических единиц выборки с отрицательной и положительной оценочностью составило 85% к 15%.

Литература

Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования / И. В. Арнольд. – М.: Просвещение, 1981. – 295 с.

Девкин, В. Д. Особенности немецкой разговорной речи / В. Д. Девкин. – М.: Наука, 1965. – 376 с.

Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – М.: Живой язык, 2005. – 944 с.

Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – Дубна: Феникс+, 2005. – 488 с.

Подзолкова, Н. В. Концепт «Одиночество» в немецкой и русской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Н. В. Подзолкова. – Волгоградский гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2005. – 223 с.

Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – Киев: Синто, 1993. – 192 с.

Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 174 с.

Summary. Loneliness is widely reflected in semantics of a language, as an important social, cultural and psychological phenomenon. But still, the means of representation of this concept in English haven't been researched accurately. We have analyzed English idioms which include semantic component "loneliness". The study of idioms is proved to be efficient in general study of concepts because their figurative basis is a quintessence of cultural connotation connected to the world outlook of native speakers.

Чекулай И. В., Прохорова О. Н.

ЛЕКСЕМА «ОГОНЬ» В КОГНИТИВНО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
prokhorova@bsu.edu.ru

Одним из наиболее известных и весьма популярных на настоящем этапе развития философской и лингвистической концептологии является солидный труд Дж. Лакоффа «Женщины, огонь и опасные вещи». Наше внимание в этом названии привлекло слово «огонь». И если подойти к делу беспристрастно и объективно, то можно обнаружить, что структура знаний, которую семиотически можно выразить как «огонь», не менее интересна, чем указанная выше структура знаний, имеющая явно гендерную онтологию.

Оттолкнёмся, прежде всего, от названия монографии Дж. Лакоффа. Итак, огонь – вещь опасная, равно как и женщина, и если верить наблюдениям Э. Рош, как и акула, копьё и многие другие вещи, о которые (точнее говоря, при взаимодействии с которыми) можно причинить себе вред (по крайней мере, с точки зрения меланезийского племени дирбал). Но при этом следует иметь в виду, что в жизни существует много вещей, которые являются и опасными, и в то же время не просто полезными, но необходимыми или труднозаменимыми для жизни. Например, мобильный телефон вреден для здоровья из-за излучений, но, даже зная это и понимая, что в принципе без мобильного и даже без телефона полноценная жизнь вполне возможна, мы не выбрасываем его в мусоропровод, потому что привыкли жить так, что, если ты забыл мобильник дома с утра, день пропал. Многие люди не могут пользоваться общественным транспортом, поскольку иного средства передвижения, как собственный автомобиль, они не мыслят. Тем более необходим

огонь. Потребность в тепле, равно как и в пище, питье и отдыхе является жизненно необходимой не только для любого человека, но и многих иных биологических видов. Непосредственно для человека основным источником тепла является огонь. Объективно огонь Солнца является основным источником энергии, получаемой и используемой на Земле, и тем самым огонь становится универсальным условием существования планеты Земля, природы и живых видов на ней.

Мы не случайно употребили вместо привычного в таких случаях термина «концепт» словосочетание «структура знаний». Ассоциации носителей различных европейских языков, связанные с тем, что в русском языке обозначено словом «огонь», можно разделить на две основные группы – «огонь как особого рода материя (плазма)» и «огонь как ассоциативно-психологическая данность». Несомненно, в основе такой дифференциации лежит метафора, где первый ассоциативный комплекс лежит в области-источнике, а второй комплекс – в области-цели. Оба ассоциативных комплекса далеко неоднозначны, и поэтому с таких позиций их условно можно определять как два различных концепта. Но насколько они различны? Не являются ли эти структуры знания одним и тем же концептом, или же анализ двух указанных ассоциативных комплексов может выявить и другие, более частные, структуры знаний, которые также можно определить как «концепты»?

Для этого необходим комплексный анализ того, как люди используют в эксплицитной речи и тем самым в ассоциативно-образном мышлении лексемы *огонь*, *вогонь*, *агонь*, *оheй*, *fire*, *Feuer*, *feu*, *fuego*, *fuoco*, *tuli*, 火 и другие репрезентанты определенных структур знаний об основном источнике энергии.

Несомненно, начальным значением подобных лексических единиц является «совокупность раскаленных газов и плазмы, выделяющихся в результате: произвольного/непроизвольного нагревания горючего материала до определенной точки; химической реакции; соприкосновения тока высокого напряжения с горючим материалом. Огонь является основной фазой процесса горения и имеет свойство к самораспространению по затронутым им другим горючим материалам» (ru.wikipedia.org/wiki/Огонь). Как можно видеть, такое описание соответствует первому словозначению из приведенных выше, но, на наш взгляд, за таким сугубо техническим описанием стоит более живая картина. Прототипическое представление об огне для большинства людей связано с моментально извивающимися вверх и так же мгновенно исчезающими языками плазмы яркого оранжево-жёлтого цвета с синеватыми прожилками, например, в костре или в топке печи. В то же время для большинства современных городских жителей огонь – это также равномерные синие язычки газовой горелки, для работников, занятых в сфере доменного или сталелитейного производства, это длинные языки пламени соломенно-желтого цвета. Все эти агрегатные состояния огня, которые можно назвать еще *пламя*, характеризуются также достаточно высокой (не ниже 300°C) температурой, определенным продуктом сгорания (видимым или невидимым дымом), наличием материала, дающего сгорание и т. п.

В переносном значении концепт «Огонь» связывается в первую очередь с действиями, которые человек производит по собственному желанию, в русле своих взглядов, убеждений, верований, жизненных презумпций, причем делает это от души, от всего сердца, руководствуясь в первую очередь собственным «Я». Как и в деятельности человека по поддержанию огня в костре, печи, к такой деятельности могут быть различные подходы. Согревать огнем можно методично, рационально, или же, напротив, сжечь все сразу. В этом плане примечательны следующие строки из песни «Костер», исполняемой группой «Машина времени»:

*Ты был не прав
И всё спалил за час,
И через час большой костёр угас.
Но в этот час стало всем теплей.*

Наряду с «Огнем», в текстах такой содержательной парадигмы реализуется и другая структура знания – «Тепло». Как известно, тепло – это своего рода результат действия огня. Существует даже физическая характеристика горючих природных и искусственных материалов, называемая теплотворностью. В переносном значении *тепло* – это всегда некоторый комфорт, неважно, физического или морального плана, который произносящий это слово испытывает непосредственно, или же солидарен с неким вторым или

третьим лицом/лицами, который/-ые испытывают такие комфортные физические, ментальные, эмоциональные и другие ощущения.

Именно в данном, переносном значении чаще всего реализуются конкретные смыслы, выражаемые в форме устойчивых словосочетаний, пословиц и поговорок. Рассмотрим основные реализации данного концепта в некоторых европейских языках. Но предварительно хотелось бы сделать несколько замечаний общего плана, эмпирически вытекающих из исследования массива заявленных единиц в различных европейских языках. Это, прежде всего, высокая степень вариативности фразеологических единиц, в которых концепт «Огонь» служит областью-источником общего значения фразеологической единицы, а также тех устойчивых словосочетаний, в состав которых входят такие слова русского языка и соответствующие им лексические единицы других языков, как *огонь, пламя, гореть, жечь, пылать* и другие.

Слова *огонь* или *огонёк/огоньки*, применимые к внешней экспликации или внутреннему переживанию чувств и эмоций, часто свидетельствуют не только о сильной степени того или иного чувства или эмоции, но и о том, что в данном случае речь идёт непосредственно о том, что в психологии называется «сильными эмоциями». Языковая вариативность в таких случаях связана, прежде всего, с проявлением различных сильных эмоций или чувств. Начнём с их внешних проявлений. Как известно, в основном о душевном состоянии человека судят по выражению лица, и особенно глаз. Именно этим объясняется тот факт, что наиболее рекуррентной моделью фразеологизации концепта «Огонь» являются единицы, компоненты которых передают как семантику глаз (самих глаз, зрачков, выражения глаз, особенностей взгляда), так и эмоционально-чувственную семантику практически во всех рассматриваемых языках, в частности:

– Пики к бою, шашки вон, баклановцы!.. – Тут голос его внезапно крепчает, мерклые **зрачки** блестят и **загораются** белым, загашенным старостью **огнем** (М. А. Шолохов. Тихий Дон).

Прохор задыхался от слов, от мыслей, от бурных ударов сердца, его **глаза горели страшным огнем** внутренней силы и раскрывавшегося в душе ужаса (В. Шишков. Угрюм-река).

При цих словах Дарини Найда поблід і замовк, неспроможний погамувати шалене биття серця: груди його високо підіймалися, **очі загорілись вогнем** (М. Старицький. Останні орли).

The yawning, shaking, peevish figure of the mother, with her eyes raised to confront the proud erect form of the daughter, whose **glance of fire** was bent downward upon her, had a conscious air upon it, that no levity or temper could conceal (Ch. Dickens. Dombey and Son)

Следует отметить, что диапазон выражаемых глазами эмоций и чувств не сводится к каким-либо предпочтениям аксиологического плана. Они могут носить как эмпатический характер, так и сводиться к выражению ненависти, гнева, например:

Победа была, должно быть, действительно очень крупная, потому что Ревизанов был заметно возбужден, и **в синих глазах** его еще **не угасли огоньки**, зажженные удовольствием *борьбы* и *злорадством успеха* (А. В. Амфитеатров. Отравленная совесть).

Григорий в упор поглядел Аксинье в **глаза**, увидел, как **вспыхнули** они **балованным отчаянным огоньком** (М. А. Шолохов. Тихий Дон).

– Ти можеш катувать мене, бо я тепер у твоїй владі, а ганьбити не сміи. – відповів Гонта похмуро, і **в очах** його **блиснув недобрый вогник** (М. Старицький. Останні орли).

Голос Залізняка зазвучав глухо й грізно, а **очі** його, в червоному відблиску, що наповнив хату, **спалахнули** **лиховісним вогнем** (Ibid.).

Как нетрудно заметить, в вышеуказанных примерах представлены эмоции, ассоциируемые как противоположные или несовместимые, что выражается такими лексемами и словосочетаниями, как *борьба, злорадство успеха, балованный и отчаянный, недобрый, лиховісний*. Кроме того, возможны и такие случаи, когда конкретные характеристики эмоционального взгляда снимаются полностью, в частности:

Иван Алексеевич, покуривая, глядел на Митьку, а у того **в** торчевых кошачьих **зрачках** толпились **огоньки**, и *нельзя было понять* – *смеются зелёные его глаза или дымятся несытой злобой* (М. А. Шолохов. Тихий Дон).

На наш взгляд, в данных случаях фразеологические единицы выполняют не столько собственно оценочную, сколько общеаксиологическую функцию. Хотелось бы пояснить данное положение. Согласно основным положениям философской аксиологии,

оценка – это лишь выражение ценности, которое приобретает положительный или отрицательный оценочный знак, и отсюда мы говорим либо о положительной, либо об отрицательной оценке, выраженной данной единицей речи. Однако в практике речевой коммуникации достаточно часты случаи, когда однозначная постановка оценочного знака затрудняется прежде всего за счёт особой прагматики высказывания, когда говорящий (а чаще, пишущий автор художественного или публицистического произведения) намеренно представляет оценочную сторону высказывания скрытой в расчёте на творческую интерпретацию своего высказывания адресатом сообщения. Поэтому с данных позиций «Огонь» следует рассматривать не столько как оценочный, сколько ценностный концепт (Чекулай, 2006).

Интересны также и другие компоненты рассматриваемых фразеологических единиц, в частности, действия, производимые «огнем глаз». Рассмотрим следующие примеры и сопоставим их с приведёнными выше:

Управившись, Григорий приходил в людскую. Сотник **гасил в глазах** недавние **огни**, угощал его папирсой, уходил (М. А. Шолохов. Тихий Дон).

Крикливые голоса притихли, **огонь в глазах угас**, народу вновь предстояло покориться своей прежней доле, изменить которую не в силах оказалась и пролитая кровь (В. М. Шишков. Угрюм-река).

Ипполит Матвеевич преобразился. Грудь его выгнулась, как Дворцовый мост в Ленинграде, **глаза метнули огонь**, и из ноздрей, как показалось Остапу, повалил густой дым. Усы медленно стали приподниматься (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

She was small and slight in person; pale, sandy-haired, and with **eyes** habitually cast down: when they looked up they were very large, odd, and attractive; so attractive that the Reverend Mr. Crisp, fresh from Oxford, and curate to the Vicar of Chiswick, the Reverend Mr. Flowerdew, fell in love with Miss Sharp; being shot dead by a **glance of her eyes** which was **fired all the way** across Chiswick Church from the school-pew to the reading-desk (W. M. Thackeray. Vanity Fair).

Как можно видеть, в глазах огонь может «таиться», просто «гореть», «угасать», огонь глаз может «преследовать», «жечь», «томить», «очаровывать», глаза могут «метать огонь», «блестеть», «вспыхивать» огнем и т. п. Несмотря на столь обширный перечень таких действий, мы склонны считать, что они представляют варианты одной и той же фразеологической модели, так как данные вариативные формы фразеологических единиц фактически реализуют один концепт, который можно передать расширенным словосочетанием «выраженная глазами передача сильных эмоций», а в переложении на проявления конкретных эмоций число таких вариантов увеличивается многократно. Именно по этой причине фактически невозможно «схватить»¹ их многообразие в относительно ограниченной словарной статье в словаре фразеологических единиц.

Согласно известной пословице русского языка, «глаза – это зеркало души». В случае с фразеологизацией концепта «Огонь» данная максима срабатывает, если так можно сказать, «на все 100 процентов». Огонь глаз – это отражение огня сердца, огня души, тех сильных чувств и эмоций, которые переполняют человека. Поэтому в список вариантов общей метафорической фразеологической модели «сильные чувства и эмоции → огонь» можно с полным основанием внести и те устойчивые выражения, компоненты которых напрямую с семантикой взгляда, выражения глаз и т. п. не связаны и описывают такие чувства и эмоции на основании субъективных ощущений определенного человека, о котором идёт речь. Несомненно, «глаза» с «душой, мыслями, внутренним содержанием» находятся в метонимических отношениях, а точнее говоря, это синекдоха. Случаи таких фразеологических переосмыслений встречаются в каждом из исследуемых языков, в частности:

Наталья, услышав от Дуняшки о смерти Григория, выбежала на баз. «Руки наложу! Все теперь мне! Скорей!» – гнала её, **огнём хлестала мысль** (М. А. Шолохов. Тихий Дон).

Хотя он, и не знал, что не за горами время, когда весь мир встряхнется от грома пушек и это великое побоище родит его родине свободу, но **в глубине его сердца** горел

¹ В данном случае имеет место аллюзия на известную лингвокогнитивную максиму Е. С. Кубряковой «Значение – это концепт, схваченный знаком» (Кубрякова 1997. 92).

неугасимый **огонь** ожидания этой свободы, этого преобразования всей жизни русской, когда не будет ни Прохоров Громовых, ни жандармских ротмистров, ни удалых шаек, поднимающих бунт против не правды, ни этих трогательно жалких старцев-пустынников, бежавших к лесным зверям от людей-рабов, людей-гонителей (В. М. Шишков. Угрюм-река).

Не хоче батько твого пташиного молока. Не приймає душа. Тільки **вогнем образи** вибурихує вона (О. Гончар. Собор).

«Що примусило його відмовитися від славного подвигу? Хто вирвав з його серця любов до батьківщини? Хто **погасив полум'я**, яке палахкотіло в ньому?» – ці питання давно мучили дівчину, а тепер з новою непереборною впертістю точили їй душу (М. Старицький. Останні орли).

Tief verneigte sich Govinda, Tränen liefen, von welchen er nichts wusste, über sein altes Gesicht, **wie ein Feuer brannte das Gefühl der innigsten Liebe**, der demütigsten Verehrung in seinem Herzen (Hermann Hesse. Siddhartha).

Параллельно следует отметить, что в английском языке есть устойчивое словосочетание *fire and brimstone*, которое является многозначным. В своём «первичном» фразеологическом значении оно является эквивалентом адского пламени, но очень часто употребляемо и в положительно-оценочной коннотации, где передаётся живой, активный характер человека, в частности:

The minister gave out his text and droned along monotonously through an argument that was so prosy that many a head by and by began to nod-and yet it was an argument that dealt in limitless **fire and brimstone** and thinned the predestined elect down to a company so small as to be hardly worth the saving (M. Twain. The Adventures of Tom Sawyer), но:

But Papa was a man of **brimstone and hot fire**, in his mind and in his fists, and was known all over that section of the state as the champion of all the fist fighters (Guthrie, Woody. Bound for glory).

Теперь представляется вполне логичным обратиться к семантическим соответствиям фразеологических единиц с лексическим компонентом «огонь», «пламя», «гореть» и т. п. в различных европейских языках. Анализ фразеологических единиц в этих языках в целом показывает определённую гомогенность формально-семантических признаков данных устойчивых словосочетаний при той же высокой степени вариативности данных единиц. Но сразу же следует отметить, что такое явление характерно, прежде всего, для языков, относящихся к определённой языковой группе. Так, словосочетание русского языка *огнём и мечом* встречается практически во всех исследованных славянских языках:

Тут бы, казалось, самое время вскричать: «**Огнем и мечом!**» – однако же нет. Оказывается, нам всем надлежит всего-навсего использовать все меры воспитательного, идеологического и политического воздействия, основанные на рекомендациях наших педагогов и социологов (А. И. Б. Струтацкие. Отягощённые злом, или сорок лет спустя).

... ці дарунки примножувалися власними надбаннями, і монастирі могли б користуватися великими прибутками, коли б неспокійний час, нестримна сваволя шляхти й цілковите беззаконня не позбавляли їх прав і не розоряли раз у раз **вогнем і мечем** (М. Старицький. Останні орли).

Nežli podržili staří Féničané krk nějakému zajatci, sloužili stejně slavné bohoslužby jako o několik tisíc let později nové generace, než táhly na vojnu a hubily své nepřátele **ohněm i mečem** (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války).

Достаточно частотным устойчивым словосочетанием в славянских языках является также готовность пойти на какое-то опасное предприятие ради идейных соображений, из любви и т. п., где область-цель метафорического переноса при фразеологизации также представлена семантикой огня, например:

Ротмистр посмотрит, щелкнет хлыстиком по голенищу, скажет: «Сла-авно!» Вся даже грудь выпячивает от горделивой радости. С ротмистром Соломиным **хоть в огонь** Вся молодежь от него без ума. Храбрый офицер (Б. Ясенский. Я жгу Париж).

«Přeji si, abyste mluvil vždy pravdu a vykonával bez reptání všechny mé rozkazy. Jestli řeknu: **Skočte do ohně**, tak do toho ohně musíte skočit, i kdyby se vám nechtělo (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války).

Впрочем, подобные случаи фиксируются и в романских языках, в частности, во французском. Например:

«... et Dieu sait si je suis prêt à me *jeter dans le feu pour vous*»

– ... а видит бог, я готов *броситься за вас в огонь...* (А. Дюма-отец. Три мушкетёра).

В то же время ряд фразеологизмов из данной парадигмы встречается если не в определённом языке, то, по крайней мере, в пределах определённой подгруппы, в частности, восточно-славянской. Рассмотрим следующие русскоязычные примеры:

После этого разговоры приутихли. Долго баюкалась в красных вагонах дремотная тишина.

– *Из огня да в полымя!* – высказал долговязый Борщев общую для большинства мысль (М. А. Шолохов. Тихий Дон).

В принципе, в украинском языке встречается его эквивалент *з вогню та в полум'я*, однако в текстах других исследуемых языков данное устойчивое словосочетание найдено не было. То же следует сказать и о следующих фразеологических единицах:

– Умеете ли вы стрелять из ружья?

– Оборони бог-с... *Как огня боюсь...* Когда Прохор Петрович производит выстрелы на охоте, я затыкаю уши. Например, вчера... (В. М. Шишков. Угрюм-река):

– Плевал я на толпу, – запальчиво сказал Прохор, и мутные от бессонницы глаза его засверкали.

– Нет-с, Прохор Петрович, *с огнем шутить опасно* (Ibid.).

– Челобитчики Иван, сын Кадлин, да Михаиле, сын Оленов, оставьте присутствие, а так как не проходит недели, дабы на заводчика Никиту Демидова не приносили жалоб, то мыслю я: *нет дыма без огня* (Е. Федоров. Каменный Пояс. Кн. 1. Наследники).

Особо следует отметить фразеологические единицы с лексическими компонентами, репрезентирующими концепт «Огонь» в языке, которые носят характер аллюзии. Это своего рода общечеловеческий вертикальный содержательный контекст, основанный на определённых фактах, легендах, высказываниях известных личностей и т. п. Так, практически во всех исследуемых языках можно встретить устойчивые словосочетания, которые восходят к известному факту, когда античный философ Диоген днём искал человека с огнём. Например:

– Их, шелужинов-то, на базу *днём с огнём не сыщешь*, – со вздохом сказала Ильинична (М. А. Шолохов. Тихий Дон);

– Галоўнае, яны імчалі амаль бязгучна. Коні, ведаеце, такой старажытнай пароды, якую зараз *з агнем не знойдзеш*: сапраўдныя палескія дрыкганты з падрэзанымі жыламі ля хвастоў (У. Караткевіч. Дзікае палявання караля Стаха).

Таким образом, семантика «Огонь» весьма обширно представлена во фразеологических единицах различных европейских языков. Это объясняется высоким ценностным потенциалом огня как полезного, необходимого для жизни и в то же время весьма опасного при неосторожном использовании материального феномена. Это подтверждается результатами нашего исследования, в котором, с упором на фразеологические единицы русского языка, были рассмотрены аналогичные или семантически сходные единицы таких европейских языков, как украинский, белорусский, чешский, немецкий, английский, французский. Тем самым можно сделать предварительный, нуждающийся в проверке на материале языков других групп и семей, вывод об универсальном характере фразеологических моделей, в основе которых лежит концепт «Огонь», или же лексические единицы, передающие семантику данного феномена, являются компонентами таких устойчивых словосочетаний.

Литература

Кубрякова, Е. С. Концепт / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, 1997. – 245 с.

Чекулай, И. В. Функционально-деятельностный подход к изучению принципов оценочной категоризации в современном английском языке: Монография / И. В. Чекулай. Федеральное агентство по образованию; Белгородский государственный университет. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – 236 с.

Summary. The article deals with the lexical token “fire” in cognitive and phraseological space of modern European languages. The meanings explicated by that lexical token are described.